

ИГОРЬ
БОЛГАРИН

АДЪЮТАНТ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

РАССТРЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Адъютант его превосходительства

Игорь Болгарин

Расстрельное время

«ВЕЧЕ»

2015

Болгарин И. Я.

Расстрельное время / И. Я. Болгарин — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Адъютант его превосходительства)

ISBN 978-5-4444-7842-4

1920 год. Гражданская война близится к концу. Барон Врангель, окопавшийся в Крыму, постепенно теряет свои позиции. Павел Кольцов, уполномоченный комиссар ВЧК, откомандирован на Южный фронт, под Каховку. Кольцову поручено контролировать действия анархистов при форсировании Сиваша и захвате врангелевских позиций. Кольцов отправляется в расположение махновцев, но по дороге попадает в непредвиденные обстоятельства, которые могут повлиять на его дальнейшее пребывание в Крыму... Кольцову предстоит решить множество сложных задач. Кто из его окружения является предателем? Почему врангелевцы охотятся за ним? Как ликвидировать банду, которая нападает на имения бывших аристократов и захватывает невывезенные ценности? Как уберечь пленных врангелевцев от бессмысленной жестокости и расстрелов? Как противостоять Розалии Землячке, облеченной почти неограниченной властью, и ей подобным, готовым превратить Крым в кладбище одним лишь росчерком пера? Книга выходила ранее в другой серии.

ISBN 978-5-4444-7842-4

© Болгарин И. Я., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Игорь Болгарин

Расстрельное время

© Болгарин И.Я., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Глава первая

День не заладился с самого раннего утра. Ещё вчера был веселенький, солнечный, с легким морозцем, а к утру небо над Харьковом затянуло тяжелыми тучами, подул пронизывающий ветер, и на землю посыпалась белая крупка, а потом и вовсе заморосило, захлюпало под ногами.

– Ну и погодка! – сказал Бушкин, как-то боком вышагивая рядом с Кольцовым: то ли пытаюсь прикрыть его от порывов ветра, то ли пряча свое лицо от мокрого косоного дождя. – Не то осень, не то зима! В такую погоду помирать не жалко!

– А вы, Тимофей, оставались бы при Иване Платоновиче, – посоветовал Кольцов. – Троцкий вас к нему откомандировал.

– Когда это было! Я с лета то при Иване Платоновиче, то при вас. Вернусь обратно, меня свободно могут в дезертиры записать, – не глядя под ноги, ступая по лужам, возразил Бушкин. – Не, я уж – при вас. Не хочу больше на бронепоезде кататься. Поначалу ничего, а потом приедается. Скучотища. А с вами – бедовая жизнь. Вон даже в Париже побывал. Такое и во сне не могло присниться.

– Да уж удали у нас – через край... – буркнул Кольцов.

Ставка Южного фронта несколько дней назад переместилась под Каховку. Вместе с Фрунзе поближе к фронту выехал и Менжинский¹ со своим Особым отделом. Но кто-то по каким-то причинам не успел на этот «литерный» эшелон. Они постепенно собирались в гулком опустевшем здании, занимавшем Особый отдел. Встречал всех Гольдман, составлял список. Часам к десяти собрались пятнадцать человек, вместе с присоединившимся к ним Бушкиным.

Больше ждать было некого. И они всей гурьбой двинулись на железнодорожный вокзал.

На переговоры с военным комендантом пошли двое: Кольцов и Гольдман. Еще ранним утром сотрудники Особого отдела сразу же выделили среди своей среды Кольцова, и со всеми вопросами и предложениями почему-то обращались именно к нему. Гольдман всем своим деловым видом показывал, что сейчас, в отсутствие руководства, является здесь главным: составлял списки, укоризненно отчитывал опоздавших, отдавал какие-то незначительные команды, которые никто не выполнял. Но вскоре и сам признал своим временным начальником несуетливого и не слишком разговорчивого Кольцова.

У военного коменданта станции было многолюдно, тесно и густо накурено. Сам комендант, горло которого было замотано в темно-серый шерстяной шарф, хрипло отбивался от посетителей. Особенно настойчиво наседали на него высокий и тощий морячок, похожий на калмыка.

– Понимаешь, у меня люди могут без харча остаться. А им – в бой. На пустое-то брюхо!

– Чего ж не понять? Очень даже понимаю... – хрипло отбивался комендант.

– Так предпринимай!

– А что я могу! Белгород с самого утра ни один эшелон на Харьков не выпустил.

– Это называется саботаж!

Остальные, поддерживая морячка, тоже забузотёрили.

– По законам военного времени... – почувствовав поддержку, морячок потянулся к болтавшейся у колена деревянной кобуре маузера.

---

¹ Вячеслав Рудольфович Менжинский (19 (31) августа 1874, Петербург – 10 мая 1934, дача Горки-6, Архангельское Московской области) – советский партийный деятель, чекист, преемник Ф.Э. Дзержинского во главе ОГПУ (1926–1934).

– Вот этого – не надо! – протиснувшись к заваленному бумагами столу, твердо сказал Кольцов. – Что происходит?

– Саботажника, понимаешь, выявили! – обернулся к Кольцову морячок. – С утра ни одного эшелона с Белгорода не принял. Видать, сговорились. Надо бы туда кого-нибудь из ЧК направить, пусть разберутся.

– Ну, я из ЧК, – спокойно сказал Кольцов. – Ну и что ты хочешь?

– Так явный же саботаж! – не унимался матросик. – Давай, братишка, сообщай их к ногтю! – с жаром предложил он.

– «К ногтю» – не вопрос. А, может, сначала разберемся, – и невозмутимый Кольцов обернулся к коменданту. – Я – из Особого отдела. И вот товарищ, – он указал глазами на Гольдмана.

Комендант узнал Гольдмана:

– Здравствуйте, Исаак Абрамович! – с облегчением вздохнул он. И затем сказал морячку с калмыцким лицом: – Вот, товарищи из ЧК². Разбирайтесь. И, пожалуйста, не машите перед моим носом маузером.

– Доложите обстановку, – всё также спокойно попросил Кольцов.

– А чего докладывать-то... Вчера и позавчера гнали эшелоны на фронт. А с ночи Белгород порожняк потребовал. Отправил все, что скопилось. Дорога не справляется. Вот и задержка. А этот... – комендант обиженно взглянул на морячка.

– Вы на него не сердитесь, – миролюбиво сказал Кольцов. – У всех у нас нервы сдают.

– А у меня, думаете, из каната нервы?

– Разумеется, нет... Сочувствую. Вот и давайте сообщать подумаем, как из положения выходить. У меня тоже пятнадцать человек, и их ждут там, под Каховкой.

– Ваш «литерный» еще прошлой ночью отправили. Я думал, вы уже на фронте.

– Не все успели. Надо было кое-какие дела закончить, – объяснил Гольдман.

– Понимаю... Но, к сожалению, пока ничем не могу помочь, – с сочувствием сказал комендант и беспомощно развел руками. Затем пояснил: – Часам к четырем-пяти дня все рассосется, и, надеюсь, тут же отправлю всех вас до Павлодара, а там пусть эти... – он жестом указал на морячка и его команду, – пусть они там павлодарского коменданта маузером страшат.

Окружение морячка напряженно ждало, чем закончится этот разговор.

– Ну что ж. Подождем, – спокойно сказал Кольцов и тем самым обезоружил крикливое окружение морячка.

– Во! Видали! Люди сразу всё поняли, – сердито взглянул на морячка комендант. – А ты...

– А у меня три вагона продовольствия, – огрызнулся морячок.

– Продовольствие – не патроны, – сказал комендант. – В империалистическую мы больше всего за боеприпасы беспокоились. Без боеприпаса верная смерть. А без продовольствия...

– Да не протухнет твое продовольствие, – поддержал коменданта Гольдман и тут же спросил: – А скажи мне, Андрей Степанович, не найдется ли в твоём хозяйстве приличного пассажирского вагона. У меня народ измотан недосыпами. Хоть бы в дороге отоспаться...

– А вот с этими горлохватами и поедете, – мстительно указал комендант на морячка. – У него всего двенадцать человек, а занимает не по чину весь спальный вагон.

– Но-но! Полегче! Горлохваты! – взъерепенился морячок. – А насчет вагона, то нам с посторонними нельзя. У нас секретное донесение... На нем пять сургучных печатей.

---

² ВЧК СНК РСФСР – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Позже Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Совете народных комиссаров РСФСР – орган по защите государственной безопасности СССР с 20 декабря 1917 до 6 февраля 1922 года.

– А они – из ЧК, – убедительно произнес Андрей Степанович, кивнув на Кольцова и Гольдмана. – Они до всех секретов допущены.

– Насчет ЧК надо бы ещё проверить! – высказался кто-то из окружения морячка.

– Во-во! А то часто такие фармазоны³ случаются. Один поляк когда-то себя за российского императора выдавал. Проверили, а при нем никаких документов, – поддержали моряки своего сотоварища.

– Вы б, граждане, документы предъявили. Чтоб никаких сомнений, – вежливо попросил морячок.

– Документы! – дружно поддержали его свои.

– Насчет документов не возражаю, – согласился Кольцов. – Время военное, – и достал из бокового кармана своей кожанки удостоверение. Морячок бегло его просмотрел, протянул пожилому товарищу. Тот, прежде чем принять его, старательно вытер руки о полу шинели и приладил на носу очки. Лишь после этого взял удостоверение, прочитал:

– Пол-но-моч-ный пред-стави-тель ВЧК! – и, восхищенно покачав головой, повторил: – Полномочный представитель! Скажи, пожалуйста! И круглая печать! Всё чин-чинарем! Это вроде как товарищ на все имеет полномочия. Может в печь тебя сунуть и пепел не востребовать!

Возвращая удостоверение Кольцову, морячок сконфуженно сказал:

– Извините, не сразу признали!

– То-то же, оглоеды! Теперь поняли, с кем ехать будете? – отомстил комендант компании морячка за бузу. – Моду взяли, чуть что, хвататься за маузер.

– Ну и ладно! Ну и не серчай! Будем живы, после войны замиримся!

– Охо-хо-хо... Когда еще эта война кончится... – вздохнул комендант.

– Дня через три. От силы – через четыре, – убежденно сказал самый крикливый из компании морячка, эдакий крепенький боровичок в мохнатой овечьей шапке.

– Это кто ж тебе такое сказал?

– Знакомая цыганка.

– Ты больше им верь, цыганам.

– Верю. Она мне года три назад, еще в самом начале революции, сказала: смело ступай на войну, живой вернешься, и в хозяйстве прибыль будет. И что? Недавно случаем односельчанина встретил. Он мне и говорит: у тебя, Матвей, сын родился.

– Как же это? На побывку вроде не ездил, – высказал сомнение кто-то из команды морячка.

– Я и сам поначалу сумлевался. С полковым ветеринаром советовался. Сказал, может такое быть. Вполне, говорит, природное явление – задержка у бабы вышла. И ту цыганку недавно повстречал. Твое, говорит, дите.

– И правильно! И верь! – сказал пожилой. – Мужик в хозяйстве, чем не прибыль.

– И я так подумал, – согласился боровичок. – И что самое интересное, я опосля этого смерти перестал бояться. Мовет, и на этот раз цыганка не сбрехала: живой с войны возвратился.

Зазвонил телефон. Комендант схватил трубку, просипел:

– Ты, Забара? погоди малость! – и, прикрыв ладонью трубку, нарочито сердито сказал посетителям: – А ну, братва, выметайтесь в залу! Накурили, наплевали! Не кабинет, а хлев, ей-богу! – и вновь приложил трубку к уху. – Слухай меня, Забара! Ты встречу помалу освободжай! Выпускай до меня груженные!

Посетители тихонько, на цыпочках, следом за Кольцовым и Гольдманом, освободили кабинет военного коменданта.

---

³ Фармазон – вольнодумец, нигилист, во время Гражданской войны вошло в обиход, как мошенник.

* * *

Вечером их прицепили к первому же прибывшему из Белгорода эшелону, и они покинули Харьков.

Команда морячка оказалась на редкость дружной, частью состоящая из хозяйственных мужиков, крестьян. На каком-то полустанке они добыли кипяток. Одно купе превратили в столовую. Из своих вместительных сидоров извлекли хлеб, лук, немецким тесаком мелко порезали увесистый шмат сала и разложили всю эту снедь на нижней спальной полке. На второй нижней хозяином уселся морячок и ещё трое, которые постарше. Остальные стояли в проходе или же забрались на верхние полки и уселись там, по-мусульмански подобрав под себя ноги. Еду передавали им наверх.

После того как поужинали все свои, морячок подошел к Кольцову, кашлянул, чтобы обратить на себя внимание.

– Может, не откажетесь чуток повечерять. Я – Жихарев, начснаб Девятой. Вы, насколько я запомнил, Кольцов? У вас тоже день, гляжу, выдался колготной. Проголодались небось?..

– Ничего, до Снегиревки потерпим.

– Зачем же терпеть? Или все еще обижаются?

– Пока причин не было.

– Вот и договорились. Зовите своих. Разносолов нету, а хлебом с салом поделимся до самой Снегиревки. Кипятком тоже. Он хоть и не чай, а все же душу греет.

После ужина все перемешались – свои, чужие. Сбивались в кучки, разговаривали о наболевшем. Лишь один Гольдман немного побродил по вагону, а затем забрался на верхнюю полку и уснул.

К Кольцову подсели трое из компании морячка: пожилой, который проверял удостоверение, мужичок-боровичок и угрюмый крестьянин со злыми глазами.

Пожилой сказал Кольцову:

– Вы, конечно, извините, но имеется вопрос, а задать некому.

– Спрашивайте. Если сумею, то отвечу.

– Приезжал до нас в полк этот... как его... лектор. Грамотнющий! Про Карла Маркса рассказывал, про то, как он представляет нашу дальнейшую коммунистическую жизнь. Но шибко непонятно говорил. Слова все вроде русские, по отдельности понятные, а все вместе разуму недоступные. Вроде как-то по-иностранному. А вопрос такой: какая власть будет при коммунизме? Кто будет нами править? Промеж себя мы так решили, что будет царь. Как же без царя? Но будет он наш, коммунистический. Может, Ленина назначат, или кого другого?

Кольцов вспомнил свою недавнюю поездку в Париж.

Ехал он с делегацией крестьян, которая благодаря хлопотам норвежского ученого Фритьофа Нансена направлялась на конференцию, чтобы поучаствовать в ней и в конечном счете склонить французов отказаться от помощи Врангелю продовольствием и боеприпасами, и даже попытаться уговорить их прекратить войну с советской Россией.

Тогда-то он и стал свидетелем спора крестьянских делегатов о будущем переустройстве России.

Раньше, в семнадцатом году, лозунг «Мир народам, фабрики – рабочим, земля – крестьянам!» был понятен всем. Он служил далекой, но желанной целью. А сейчас, когда дело приближалось к окончанию войны, многие стали задумываться: а как все это будет выглядеть на деле? «Мир народам!» – тут все ясно и объяснения не нужны. А дальше? Как будет выглядеть новая власть? Каким образом получают рабочие фабрики, а крестьяне землю?

Каждый толковал это по-своему, и толкований было великое множество. Потому, как никогда в мире такой власти ещё не было.

Трое мужичков с интересом ждали, что ответит им комиссар. Он-то поближе к власти.

– Вопрос не простой, – после некоторых раздумий, чистосердечно ответил Кольцов. – Боюсь, я на него тоже не сумею внятно ответить. У меня, как и у вас, было не так много времени, чтобы во всем разобраться. Да и книг про это пока еще очень мало.

– Тогда спрошу по-другому, – не унимался пожилой. – Скажите, почему вы за эту власть воюете? Вы-то больше нас во всем разбираетесь. Значит, как-то представляете наше будущее? Чем оно вас привлекает?

– А вы? Вы, почему воюете? – вместо ответа спросил Кольцов.

– Мы? Известное дело, мы – за землю. Это если коротко объяснять. Потому, как если у тебя есть земля, а к ней еще две руки, то уже не пропадешь. Ни ты, ни твоя семья. Нет земли: куда податься? Только в батраки до помещика. Иного пути нет. А вы – другое дело. Вы грамотный, у вас есть до кого прибиться, вас везде примут.

– Не совсем так, – не согласился Кольцов. – Мой отец был клепальщиком на судоремонте, такая участь и меня ждала. Богатые в свой круг чужих не очень-то пускают. Грамотный, не грамотный – не столь важно. Как был мой отец для них «черной костью», таким и я останусь. И дети мои, и внуки.

– Стало быть, вы тоже за свой кусок воюете. Ну, не за землю, а, как бы это сказать, за власть?

– Нет. Мы, большевики, воюем не за власть, а за полное ее переустройство. Чтоб землей действительно владел и распоряжался крестьянин, фабрикой – рабочий. Чтоб все богатство, которое они своими руками создают, им и досталось. Чтоб все было по справедливости.

– А она есть хоть где-нибудь на свете, справедливость-то эта? – вклинился в разговор и мужичок-боровичок.

– Если богатства страны окажутся в руках народа, тогда только и возможна справедливость.

– Вот и вы, как тот лектор, – с некоторым разочарованием сказал пожилой. – Слова все вроде русские. И сперва все понятно: фабрики – рабочим, земля – крестьянам. А как поглубже подумаешь про ту справедливость, так становится не очень-то и понятно. Вот, к примеру: одному чернозем достанется, а другому – сплошная глина. Уже неравенство. Чтоб вам понятнее: одна фабрика плуги выпускает, или там бороны, а другая – держки для лопат. Тоже вещь в хозяйстве нужная. Ну и кто из них на своей продукции больше заработает? А вы говорите: справедливость.

– Справедливость будет устанавливаться законом. Больше работаешь – лучше тебе заплатят. Справедливо?

– Не знаю. Мне досталась плохая земля, сплошная глина. Сил в нее вкладываю немерено, а отдача втрое меньше чем у того, кому жирный чернозем достался. И как тут быть?

– Вот-вот! Где ж тут справедливость? – загудели остальные двое.

– Закон! – стоял на своем Кольцов. – С тебя государство меньший налог возьмет, а у кого чернозем – больший.

– Ну и где ж тут справедливость? Я втрое больше сил затратил, пока вырастил свое зерно, а он только слегка поднапрягся.

Загнали мужики Кольцова в тупик.

– Я думаю, закон и это учтет.

– Хорошие законы можно написать, бумага все стерпит. А вот кто их исполнять будет? И как?

– Царь нужен! – громко сказал мужик со злыми глазами. – Или кто вместо него править будет. И следить, чтоб закон справно исполнялся.

– Без царя никак нельзя! Народу какой-никакой, а царь нужен! – поддержал товарища мужичок-боровичок. – Лучше, конечно, что б наш, большевистский. А то у царских царей

много родни набирается. То, понимаешь ты, сват, то брат, то кум, другая всякая родня, а еще разные кореша. Думаете, не подкинет он им чего-нибудь от своей милости, не порадеет за своих? Так закон подправят, что от справедливости одна память останется. Бедный как был, так и останется бедным.

– Государством будет управлять не царь, а сотня, может, две самых мудрых, честных и справедливых людей, – сказал Кольцов.

– А как их определишь? По физиономиям?

– Определим. Всем миром. Про хорошего человека молва далеко летит. Соберем самых лучших со всей России. Одни будут законы сочинять, а другие следить за их исполнением.

– Не выйдет! – решительно сказал первый мужик, который и затеял весь этот разговор. – Известно, человек слаб – подкупят его. Одного сразу, другого – чуток погода. А честные и справедливые, если они останутся, ничего не смогут сделать. Потому что их на всю Россию, дай Бог, с десяток останется. А то и вовсе справедливые постепенно станут несправедливыми, и все законы станут выпускать себе на пользу.

– Такого не может быть! – убежденно возразил Кольцов.

– Все может быть. Деньги любого человека ломают. Одного – малые деньги, а иного – тыщи.

– А ну, как опять несправедливые к власти придут и примут несправедливые законы? Что, начинай все сначала? Новую революцию? Силенок-то уже не хватит. А где гарантия, что такое снова не случится?

– Гарантия – маузер! – вмешался Жихарев, который все это время неприметно стоял в проходе и тоже слушал беседу. – Потому что людям нужен страх. Без страха рассейский народ никуда не сдвинешь, ни в какую сторону.

– Царь нужен! – снова повторил мужик со злыми глазами и, призывая к вниманию, поднял вверх указательный палец. – Только такой, чтоб из приюта, без родни и не женатый. На крайность, пушай на сироте женится. Один царь много не съест. А если с кучей родни и всяких разных дружков, такого Рассея уже не прокормит.

– От те и раз... Поговорили... – огорченно вздохнул пожилой. – Слова все понятные, а ничего не прояснилось.

В другом конце вагона Тимофей Бушкин рассказывал о Париже. Вокруг него собрались товарищи и снабженцы из команды Жихарева. Слушали, затаив дыхание.

Разбрелись по своим местам, когда за окнами уже забрезжила рассветная синева.

* * *

Проснулся Жихарев в полной тишине. Все спали. Лишь в конце вагона теплился слабый огонек керосинового фонаря, и Бушкин все еще продолжал что-то втолковывать нескольким жихаревским снабженцам.

Жихарев сунул ноги в сапоги, прошел к полуночникам и, смачно зевнув, спросил:

– Чего стоим-то?

– Так всю ночь: час едем, два стоим. Должно, какой-то полустанок.

Жихарев прислонился к грязному вагонному окну, но за ним ничего не было видно, лишь угадывалась белесая пелена.

– Снег, что ли?

– Всю ночь шел. Но такой... – снабженец поискал подходящее слово, – не регулярный.

Жихарев вышел в тамбур, отрыл дверь. В вагон тотчас заполз сырой воздух, пахнув снежной свежестью, заполняя все его прокуренное нутро. Полустанок окутывал плотный туман. Что за остановка, спросить было не у кого. Где-то вдаль сиротливо перекликались маневровые

«кукушки», и уже только это свидетельствовало, что стоят они вовсе не на крохотном полустанке.

Жихарев спустился на насыпь, под ногами зашуршала ракушечная подсыпка. Огляделся. Сквозь туманную пелену с трудом угадывалось безмолвное и мрачное нагромождение вагонов.

Осмотревшись, Жихарев решил проверить свое хозяйство – три, груженных продовольствием, вагона, а затем решил пройти вдоль эшелона дальше, к станции. Судя по всему, она находилась в той стороне, откуда доносились простуженные голоса маневровых паровозов.

Двери трех продовольственных вагонов были закрыты, на запорных крюках как и положено, свисали свинцовые пломбы. А дальше, за его вагонами, ничего не было – пустота. Похоже, их отцепили от состава и загнали в какой-то тупик.

Жихарев пошел к станции, исследуя окружающее пространство. Слева на путях светили ребрами искалеченные, давно вышедшие из строя товарняки, изуродованные и разбитые снарядами паровозы, зиял огромной дырой бронированный вагон.

Нет, это был не просто тупик, а станционное кладбище паровозов и вагонов. За что, за какие провинности их вагоны сунули именно сюда?

Он долго брел в тумане, стараясь не потерять «свою» колею. С любопытством разглядывал хлам, покоящийся на глухой привокзальной окраине.

По сторонам в серой туманной мути белесыми пятнами угадывались керосиновые фонари. Жихарев вглядывался в туман, надеясь увидеть кого-нибудь из железнодорожников. Но, увы, тщетно... Уходить далеко в сторону он боялся из-за тумана и скопления вагонов. И каждый раз, отойдя немного, снова возвращался на свою колею, опасаясь заблудиться и потерять свои вагоны из вида.

Наконец впереди он увидел какую-то странную фигуру в брезентовом до пят плаще и в остроконечном капюшоне.

Жихарев прибавил шаг, чтобы догнать незнакомца.

– Слышь, товарищ! Подожди малость, вопрос имеется! – окликнул он.

Человек в плаще остановился.

– Туман, понимаешь, мать его. Куда нас эти рас... загнали? Не можем, понимаешь, разобраться.

Человек в плаще обернулся. И из-под капюшона на него устремила вопросительный взгляд миловидная девушка.

Жихарев осекся.

– Извините, гражданочка. Как бы сказать, униформа подвела... И туман... Не разглядел спервоначалу. Не разьясните, что это за станция? Как называется?

– Синельниково.

– Так! Уже хорошая новость, – повеселел Жихарев. – А не подскажите, куда этот путь ведет? На Александровск, чи, может, на Екатеринослав?

– В тупик.

– Похужее новость. Идем дальше... Вот, если б я, к примеру, заблудился, каким макаром мне свои вагоны отыскать? Они на этом пути стоят.

– Спросите четвертый тупик. Вам подскажут, – посоветовала незнакомка.

– А вокзал, извините, в той стороне? – Жихарев махнул рукой.

– Ещё метров тридцать пройдете, и он будет справа. Туман уже рассеивается. Увидите...

И девушка торопливо двинулась по насыпи дальше. Жихарев зашагал следом.

– Спасибо вам. Очень вы мне, извиняюсь, приглянулись. Война кончается, так, может, свидимся для дальнейшего, как говорится, продолжения беседы?

– Почему ж не свидеться! Очень даже возможно.

– Как же я вас найду?

– Просто. На этом же месте! – хохотнула девушка и свернула влево. Перешла через несколько путей, и обернувшись, крикнула: – Слышите, кавалер! Сворачивайте направо, выйдете прямо к вокзалу!

Жихарев хотел что-то ответить, но ее заслонил невесть откуда возникший маневровый паровоз. Он тащил несколько платформ со стоявшими на них артиллерийскими орудиями.

Жихарев замер в ожидании. Но когда проплыли платформы, девушка уже растворилась в тумане. Он еще немного постоял и пошел дальше, затем свернул к вокзалу.

Туман постепенно рассеивался, и он увидел, что часть вокзальных сооружений зияла пустыми окнами и проломами от разорвавшихся снарядов. Справа по ходу движения, в окнах уцелевшего здания, горел яркий желтый свет.

Жихарев прошел внутрь вокзала, спросил у проходившего мимо железнодорожного служащего:

– Не подскажешь, товарищ, где тут у вас вокзальное начальство?

– А я и есть начальство.

– Начальник станции? – обрадовался Жихарев.

– Я – вокзальное начальство: дежурный по вокзалу. А тебе, должно, начальник станции нужен? Так это вон в ту дверь. Но только ты туда пока не ходи. Только расчистили станцию, все эшелоны отправили. Пушай немного поспит.

Жихарев направился к кабинету начальника станции. Потихоньку приоткрыл дверь, ожидая увидеть хозяина кабинета, спящего где-нибудь в углу, на диванчике. Но он сидел за столом.

Лишь когда Жихарев приблизился к начальнику станции, увидел, что тот спит, сидя за столом, подперев голову рукой. Жихарев бесшумно уселся на стул напротив, решив дать ему ещё немного поспать. Но начальник станции, не шевелясь и не открывая глаз, спросил:

– Что у вас?

Это было так неожиданно, что Жихарев даже вздрогнул и огляделся по сторонам: может, кто-то другой, стоявший сзади, задал вопрос? Но в кабинете, кроме них двоих, никого не было.

– Как вы знаете, на Каховском плацдарме началось наступление, – начал было Жихарев. – А с доставкой продовольствия...

– Агитировать не надо, – не открывая глаз, оборвал Жихарева начальник станции. – Говорите дело...

– Три груженных продовольствием и спальный вагоны загнали в тупик...

– Знаю. Четвертый тупик. Что вас не устраивает?

– Ценный груз. Сопровождает комиссар ВЧК Кольцов. К тому же с ним секретный пакет с пятью сургучными печатями.

Начальник станции открыл глаза, удивленно спросил:

– Зачем вы излагаете мне ваши секреты? Какой пакет? Какие печати? Я отвечаю за подвижной состав.

Жихарев наклонился к начальнику станции и заговорщицки произнес:

– Я к тому, что очень важный человек. Надо как можно быстрее отправить четыре вагона на Херсон. Хочу предостеречь: могут быть неприятности.

– У меня? Нет! Все неприятности, которые могут свалиться на голову одного начальника станции, я уже испытал. Иных природа еще не придумала, – спокойно сказал начальник станции. – Повторяю, я регулирую грузопотоки, ведаю подвижным составом. Харьков мне сообщил о четырех ваших вагонах. Отправлю, как только появится такая возможность. И не морочьте мне, пожалуйста, голову. Дайте хоть немного поспать.

– Что доложить товарищу комиссару? Когда отправите?

– Посоветуйте ему тоже немного поспать. И не нервничать. Вам тоже... не суетиться без толку. Все!

Начальник станции снова подпер голову рукой и закрыл глаза.

Жихарев еще немного подождал, в надежде, что он скажет что-нибудь обнадеживающее. Но начальник станции заснул, тоненько похрапывая. И Жихарев ушел к себе, на четвертый тупик.

В вагоне уже не спали. Кто-то из снабженцев успел выяснить, что они стоят на станции Синельниково. Печальное зрелище зияющих проломами вагонов и разбитых ржавых паровозов навевало на них тоску и отчаяние. Ждали Жихарева, предполагая, что он отправился на станцию, дабы прояснить обстановку.

Жихарев появился перед ними сияющий, торжественный. На вопросительные взгляды присутствующих ничего не ответил. Подошел к Кольцову, небрежно сказал:

– Не надо суетиться. Я все уладил. Скоро тронемся на Херсон.

* * *

За Апостолово тяжело груженный боеприпасами «литерный», к которому прицепили и четыре продовольственных вагона, часто останавливался. На протяжении многих верст он двигался со скоростью пешехода. Совсем недавно здесь повсюду велись жестокие бои. Отступали белые – взрывали пути; красные ремонтировали. Отступали красные, и всё повторялось. И те и другие ремонтировали дорогу наспех, и поэтому скорость на ней была предельно ограничена.

Эшелон медленно двигался по ровной, как стол, таврической степи. Жихаревская команда и сотрудники Особого отдела прилипли к окнам. Здесь все напоминало о недавних боях. Врангель несколько раз пытался закрепиться на Правобережье Днепра с тем, чтобы затем привлечь к себе войско Симона Петлюры, а в дальнейшем соединиться с польской армией Пилсудского. Но ничего не получилось. И, как свидетельство этих жестоких боев, мимо окон вагона проплывали сожженные полустанки и наспех отремонтированные будки путевых обходчиков.

В селах люди, подобно муравьям, копошились возле своих покалеченных войной хат, ставили подпорки, крыши крыли невесть чем – соломой, камышом. Делали все для того, чтобы как-то пережить пришедшую и сюда, на юг, злую зиму.

– Затягивай пояса, мужики! – вздохнул кто-то из жихаревских. – Сколь годков понадобится, чтоб поднять Россию с колен.

– Поднимется! Эта земля кого только не повидала, и скифов, и половцев, и татар, и турок, и другой всякой нечисти. И каждый раз выживала, поднималась, – отозвался жихаревский снабженец со злыми глазами.

* * *

Ещё засветло они прибыли в Снегиревку, небольшое степное село, волею судеб ставшее на короткое время многолюдным и шумным перекрестком Гражданской войны.

Последние недели над Снегиревкой шли бесконечные дожди, словно отдавая долг высушенной летним зноем земле. Ночами стало подмораживать, прихватывая вязкую черноземную грязь непрочной коркой.

Утопая по щиколотки в грязи, Жихарев метнулся по улицам, где почти в каждом дворе находились на постое военные. В основном это были тыловые службы, которые встречали и затем направляли грузы и прибывающее пополнение по своим адресам, точнее, по своим дивизиям. Вскоре Жихарев отыскал ожидавших его каптенармусов⁴.

---

⁴ Каптенармус – унтер-офицерское воинское звание, военный чин и должность в роте (батарея, эскадроне) русской армии ниже XIV класса в Табеле о рангах, ведающего учетом и хранением имущества и выдачей провианта, а также оружием, снаряжением и одеждой (в России – с конца XVII в. по 1917 год, в советский период – с 1918 года до конца 1950-х гг.)

Кольцова и его команду никто не ждал. А может, и ждали, да поди отыщи в этом людском муравейнике нужных тебе людей. Сговорились с двумя местными мужиками, владельцами телег, в каждой из которых без особой тесноты могли поместиться до десяти человек.

Когда зашел разговор о плате, возчики наотрез отказались от денег. У Гольдмана в запасе были и царские, и петлюровские, и керенские, а вот своих, советских, пока ещё не напечатали. Мужики попросили в счет оплаты дать им что-нибудь из одежды или обуви. Но ничего лишнего ни у кого их пятнадцати osobистов не нашлось.

На их счастье, к ним подошел попрощаться Жихарев. Узнав о затруднении, отвел возчиков в сторону и долго с ними о чем-то договаривался. После чего они, в сопровождении одного из жихаревских снабженцев, куда-то ушли и вскоре, довольные, вернулись, неся с собой увесистые «сидоры».

Уладив дело с возчиками, Жихарев с некоторой торжественностью в голосе сказал:

– Хочу поблагодарить за компанию. Если что было не так – не обессудьте. Как говорится: повинную голову меч не сечет. Даст Бог когда свидеться – будем рады.

– Дороги у нас одни и те же, – сказал Кольцов. – Может, ещё когда и сведут.

Знал бы тогда Кольцов, какими пророческими окажутся эти его слова.

Гольдман тоже произнес несколько слов, поблагодарив за совместную поездку, за хлеб-соль, которыми щедро с ними поделились снабженцы. И конечно же за то, что помогли уладить дело с возчиками.

Кольцов, Гольдман и Бушкин с несколькими osobистами разместились в первой телеге, остальные – во второй. Тронулись...

Жихаревские снабженцы долго месили грязь, вышагивая следом за первой телегой, провожая, как можно было понять, Бушкина. Напоследок они ему одному на ходу крепко пожали руки. И еще долго потом стояли на пригорке, провожая взглядами исчезающие вдаль телеги.

Когда Снегиревка скрылась вдаль, Кольцов спросил у Бушкина:

– Тимофей, вы и прежде были знакомы с этими снабженцами?

– Откуда? В поезде спознались.

– На почве сала, – пошутил Гольдман.

Бушкин укоризненно глянул на Гольдмана, но промолчал.

– Странно, за что они вас так быстро полюбили? – спросил Кольцов.

– Обыкновенное дело. Завербовал, – на чистом глазу пояснил Бушкин.

– Куда?

– До себя в отряд.

– Что за отряд? Расскажите. Или это тайна? – допытывался Кольцов.

– Ничего такого, – пожал плечами Бушкин. – Договорились, сразу же после войны встретиться – и на Париж.

– К-куда? – удивился Кольцов.

– На Париж, говорю. А чего! Поможем французам советскую власть обустроить.

Сидевшие в телеге osobисты прятали лица в воротники, давясь от смеха.

– Может, нам бы сперва у себя разобраться?

– А чего тут осталось? – не согласился Бушкин. – Ну, неделя, ну, две... А дальше, пока то да се, пока будут законы сочинять и все такое, мы французскому пролетариату чуток подмогнем. Они ж на нас надеются. Военный опыт у нас имеется. И вообще... пока еще запал есть и от войны не остыли.

Кто-то из osobистов не выдержал, расхохотался. Остальные тоже засмеялись.

– «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» – процитировал Бушкин слова городничего из «Ревизора», и затем назидательно добавил: – Вы вот так же легкомысленно, шуточками пропустите приход всемирной революции!

Смеялись уже в голос, не сдерживаясь, громко.

Глава вторая

Лошади привычно брели по разъезженной дороге, сами выбирая себе путь полегче: объезжали расхлябанные бочаги, а то и вовсе переходили на протянувшуюся вдоль дороги слегка подсохшую за день грядку. Они ездили здесь каждый день, запомнили каждый бугорок и приямок, глубокою лужу и канаву. Возчик лошадей не управлял, он намотал вожжи на выступающий из боковины телеги кол и, глядя на своих пассажиров, вслушивался в их разговоры, пытаясь понять и извлечь из них что-то для себя полезное. Но пассажиры говорили большей частью о непонятном.

Вечерело. Низкое солнце сгоняло последние облака. Днепр еще не был виден, но там вдали, где он протекал, небо очистилось и светилось поздним осенним багрянцем.

– Красота-то какая! – зачарованно сказал Гольдман.

– Это кому как, – вдруг отозвался своим хриплым прокуренным голосом возчик. – Кому красота, а кому беда.

– Красота, она и есть красота. Она для всех одинаковая, – не согласился Гольдман.

– Ночью заморозок будет, вона как небо разругалось. У меня беляки хату спалили, на подворье землянку спроворил. Сыро... В мороз не натопишь. Дети мерзнут, жинка кашляет. Вот и судите, радует меня така красота чи нет.

В Берислав они въезжали уже в полной темноте. Ночь наступила как-то сразу. Вдруг на небе высыпали яркие звезды, заискрившись в вышине.

– А звезды-то! Звезды! – вновь восторгался Гольдман, – Я таких больше нигде не видел. С кулак величиной...

Все одновременно посмотрели на возчика.

Когда колеса телеги застучали по каменной мостовой, возчик взял в руки вожжи, спросил:

– Вам на Пойдуновку, чи на Забалку?

– Езжай в самый центр, там разберемся.

По разбитой брусчатке они спустились вниз, почти к самому берегу Днепра. В глухой темени его не было видно, но ощущалось его чистое дыхание, к которому примешивался легкий запах разогретой смолы.

Днепр круглый год кормил местных жителей рыбой. Она была здесь не только продуктом питания, но и ходовым торговым товаром, таким же ценным, как зерно, соль и вино. Поэтому бериславские мужики всю заботу о земле в большей части возложили на своих жен, родителей и даже детей, а сами всю глухую пору года – позднюю осень, зиму и раннюю весну – проводили на воде. Днепр и Волга в дни военного лихолетья кормили рыбой, пусть и не досыта, всю Россию. Главным образом, воблой и таранью. Они даже входили в пайковое довольствие воинских подразделений.

Бериславские рыбаки всегда держали свой промысловый флот: лодки, каюки, шаланды, дубки в постоянной исправности, то есть проконопаченными и просмоленными. На берегу горели костры, и над ними висели ведра или казаны с расплавленной смолой. И дым от этой «кухни» постоянно витал над Бериславом.

Гольдман следил за движением телеги, время от времени поглядывал назад. Следом за ними, как приклеенная, тащилась вторая.

– Где-то здесь двухэтажный дом под железной крышей. Его бы найти, – подсказал возчику Гольдман.

– Дом Зыбина, что ли? Так он во-о-она, через дорогу, – протянул возчик.

– Глазастый ты, однако! – восхитился Гольдман. – В такой-то темени...

– Не я глазастый. Кони. Они каждый день на этом месте останавливаются. Сюда много разного народу прибывает.

Попрощавшись с возчиками, Кольцов со всеми своими спутниками гурьбой направились в дом Зыбина. Гольдман шел впереди.

Возле входа в дом неторопливо прохаживался пожилой часовой с винтовкой за плечом. Гольдмана он узнал еще издали и, улыбаясь, устремился навстречу.

– Что, Семёныч, темными окнами встречаете? – остановился возле часового Гольдман.

– А пошто карасин палить, если в дому – никого, – резонно заметил часовой.

– Где же все?

– Вячеслав Рудольфович по дивизиям разогнал. Как с Харькова приехали, так и разогнал. А меня за сторожа оставили.

– Ну, зачем же так уничижительно: за сторожа, – укорил его Гольдман. – Ты – караульный или часовой. Это уж как тебе больше нравится.

– Это когда в боевой обстановке. Или на складе при оружии, – не согласился Семенович.

– А Вячеслав Рудольфович где?

– Утром в Каховку отправился. Видать, там, в штабу фронта, и заночевал.

– И что, никого нет?

– Андрей Степанович Кириллов позавчера приехал. И скажи, какая комедия приключилась. Его не предупредили, что ихнюю группу-то распустили. Он идет к себе в кабинет, а там – Самохвалов из разведки. Спрашивает: «Вам кого?» Андрей Степанович не растерялся. «Мне бы, говорит, Кириллова». А Самохвалов ему: «Не знаю такого». Тогда Андрей Степанович и говорит: «Давайте знакомиться. Я и есть Кириллов», – и часовой зашелся от смеха.

– Ну, хоть кто-нибудь здесь остался? – вмешался в разговор Кольцов.

– А то как же – человек пять. И Кириллов здесь.

– Где он?

– А где ему быть? Тут, в штабу. И ещё Самохвалов и Приходько.

Но Кольцов уже не слушал часового. Он торопливо поднялся по ступенькам, вошел в сумеречный, освещенный одним копотным каганцом, коридор. Следом за ним вошли Гольдман, Бушкин и все остальные – переговариваясь, шаркали ногами.

– А ну, тихо! – попросил Кольцов.

Наступила тишина. Кольцов надеялся, что с какой-нибудь комнаты донесутся голоса здешних обитателей. Но нигде ни звука.

– Спят, что ли? – удивился Кольцов и изо всей силы прокричал: – Кириллов! Андрей Степанович!

Долго никто не отзывался. Потом в глубине коридора звякнула щеколда, проскрипела дверь, и вдали в черноте коридора повисла лампа. Она какое-то время повисела на одном и том же месте, а затем поплыла по коридору. По мере ее приближения стало проявляться лицо человека, несущего лампу. Кольцов узнал Кириллова и двинулся ему навстречу.

– Погоди малость, – попросил его Кириллов.

После чего он сделал шаг в сторону и там, скрываемая сумерками, под самой стеной, завиднелась какая-то тумбочка. Кириллов осторожно поставил на нее лампу и лишь после этого обернулся к Кольцову, неуклюже, по-медвежьи заключил его в объятия.

– Здравствуй, Павел Андреевич! Здравствуй, Паша! – от души тиская Кольцова, приговаривал он. – Не так давно виделись, а заскучал о тебе, как зимою о лете! И Вячеслав Рудольфович интересовался, всё расспрашивал меня про засаду. Кому-то даже велел связаться с Харьковом. Там сказали, что ты выехал.

– Он что, тоже меня ждет? – улыбнулся Кольцов.

– Похоже, ждет. Видать, какие-то виды на тебя имеет, – сказал Кириллов.

– Но ты-то знаешь?

– Нет... Лучше, пусть он сам тебе все расскажет.

Потом в коридоре появилось ещё несколько ламп, их вынесли разбуженные гомоном, ночевавшие в штабе особисты. Стало шумно и весело. Сослуживцы узнавали друг друга, иные подолгу не виделись и с удовольствием выпрашивали друг у друга новости.

– Носков? Гриша?

– Ты, Дымченко? Чертяка рыжая!

– Моя копия.

– А Власенко с вами?

– Помер Власенко. В госпитале, в Катеринославе.

– Жалко Федора.

– Типун тебе на язык! То Василий помер, его однофамилец. Писарь из хозроты.

– Лучше б Федька. А Васька, он безобидный. А буквочки як выписывал! Як все равно в книжке.

И уже спорили, кому бы лучше помереть. И ругались. И весело смеялись.

Постепенно «местные» разобрали вновь прибывших по своим комнатам. Унесли лампы. В коридоре вновь наступили сумерки. В нем еще какое-то время оставались Кириллов и обступившие его Кольцов, Гольдман и Тимофей Бушкин.

Бушкин, человек не унывающий, разбитной и острый на язык, за время пути будто потерялся. Своими рассказами о Париже он потешал жихаревских, и оттого веселился сам. А войти в контакт с особистами у него не получалось. Они не очень шли на разговоры с чужим для них человеком и строго блюли свою обособленность.

Бушкин несколько раз пытался завести с ними разговор о Париже и Парижской коммуне, но осторожные особисты принимали его рассказы за бахвальство и чистую выдумку, и в душевные разговоры не вступали. И он стал больше придерживаться Кольцова и Гольдмана, но и они, занятые своими заботами, уделяли Бушкину мало времени. Это его обижало, и он уже даже пожалел, что в свое время не послушал совета Кольцова, и не вернулся обратно на бронепоезд Троцкого.

Особисты и Бушкин покинули коридор, и следом за Кирилловым вошли в большую и почти пустую комнату.

– Мой кабинет, – пояснил Кириллов. – Вчера занял...

Кольцов удивленно оглядел помещение – обстановка была до крайности аскетической. Вместо письменного посреди комнаты стоял большой обеденный стол с телефоном и барское кресло, предназначавшееся хозяину, с другой стороны – два табурета для посетителей. В дальнем углу стояла железная кровать, застланная домотканым крестьянским рядном. И все!

– Интересно, кому он прежде принадлежал? – спросил Кольцов.

– Разве не помните? Здесь вас отчитывала Землячка после гибели Греця, – напомнил Кириллов. – Здесь заседала «тройка» во главе с Розалией Самойловой.

– Это когда она настаивала на вынесении мне смертного приговора? Очень обозлилась, что у нее тогда ничего не получилось. А кабинет не помню, – Кольцов еще раз внимательно огляделся вокруг, спросил у Кириллова: – Это ты за день так успел его опустошить?

– Нет. Все осталось, как было при ней. Она только собрала со стола свои бумаги и ушла. Десять секунд на сборы.

– Аскетическая женщина, – покачал головой Кольцов.

– Она – не женщина, – не согласился Гольдман. – Я ее давно знаю. Она из особой породы людей, выведенных революцией. У неё никогда не будет детей, потому что она не знает, зачем они нужны и откуда они берутся.

Затем Кириллов с Бушкиным сходили в каптерку и принесли оттуда все, что там нашли: брезентовые покрывала, конские попоны, лоскутные одеяла, два ватных матраса. Все это постелили в углу рядом с железной кроватью. Кириллов сказал:

– Здесь, на полу, ляжем мы втроем. А ты, Паша, – на кровати Розалии Самойловны. – И, немного помолчав, добавил: – Утром расскажешь, какие сны тебе на её кровати приснились.

– Нет уж! Я – на полу! – запротестовал Кольцов.

– Ты не спорь, Паша! – насупился Кириллов. – Ты ведь еще не знаешь, с кем споришь. Правобережная группа войск больше не существует. Но я не остался без работы. Со вчерашнего дня я – заместитель Менжинского и возглавлю контрразведку. И так получается, что ты на данный момент являешься прямым моим подчиненным, и возражать мне не имеешь никакого права.

– Ну а если по-человечески? – не унимался Кольцов.

– И по-человечески тоже. Будешь спать, где велел. Имей в виду, я жутко строгий начальник, – Кириллов сделал свирепое лицо. – Еще не раз пожалеешь, что попал под мое начало.

– Спасибо, что прояснил мое будущее, – улыбнулся Кольцов. – А теперь – серьезно! Вы ведь разговаривали с Менжинским обо мне. И, стало быть, ты что-то знаешь...

– Немного. Он спрашивал, что я знаю о твоём пребывании в плену у Нестора Махно. Я честно сказал, что почти ничего... Как-то не привелось с тобой об этом поговорить.

– Ты думаешь, это как-то связано с моей новой командировкой?

– Не знаю, Паша. Всего лишь предполагаю...

– Ну и поделись.

– Не могу. Это в конце концов не этично. Менжинский ничего не поручал мне. Он сам тебе всё расскажет. А может, и нет, если у него уже нашлась для этой командировки другая кандидатура.

– Жестокий ты человек, Андрей Степанович. Думал, выплусь от души. Да какой теперь сон? Всю ночь буду гадать, что за командировка? – укорил Кириллова Кольцов.

– А ты не особенно ломай голову, – посоветовал Кириллов. – Обычная поездка в войска. Не лучше и не хуже других наших поездок. Ну, может, с некоторой изюминкой...

– Ага! Значит, знаешь.

– Повторяю для тупых: предполагаю.

– Ну, ладно! Если «с изюминкой» – тогда успокоил. Будем спать!

* * *

Три плацдарма вдоль Днепра: Каховский, Великой Лепетихи-Рогачика и Никопольский – на карте выглядели небольшими продолговатыми пятнами. Но именно на них были обращены взгляды всех армейских командиров, своих и чужих, а также политиков, начиная от Ленина и Троцкого и заканчивая руководителями стран Антанты.

Несколько месяцев Врангель предпринимал отчаянные попытки ликвидировать их и прочно утвердиться как на левом, так и на правом берегах Днепра. Не получилось. И теперь именно здесь начинался последний акт Гражданской войны.

Вторая конная армия Филиппа Миронова⁵ и Первая конная Семена Буденного⁶ в конце октября перешли в наступление. Их поддержали другие воинские соединения. Натиск был столь дерзкий и стремительный, что войска Врангеля, длительное время ожидавшие решительных действий красных, были ошеломлены. Началось отчаянное отступление.

---

⁵ Филипп Кузьмич Миронов (1872–1921) – казак, советский военачальник, командарм. Легендарная личность. Во время Гражданской войны 1918–1920 гг. командовал крупными войсковыми формированиями, включая Вторую конную армию. Убит часовым во дворе Бутырской тюрьмы. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда в 1960 году «за отсутствием состава преступления».

⁶ Семён Михайлович Будённый (13 апреля (25 апреля) 1883 года – 26 октября 1973 года) – советский военачальник, участник Гражданской войны, командующий Первой конной армией, один из первых Маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза.

Особенно трудными эти бои оказались для Первой конной армии Семена Будённого. Сутки назад она завершила тяжелейший рейд из Польши. Более шестисот верст конница пробивалась по территории, занятой войсками Симона Петлюры и различными бандитскими батальонами и атаманами. Вступала в схватки, шла без сна и отдыха, месила грязь. Торопилась. Голодали бойцы, голодали кони. На всем протяжении пути их поливали косые осенние дожди. А потом ударили морозы. Наконец, добрались до Берислава. Но уже ночью их переправили на левый берег Днепра, в Каховку. Не успели устроиться в каких-то полуразрушенных пустых амбарах, конюшнях, сараях, как на рассвете их подняли по тревоге.

Глядя на свое измученное, оборванное, посеревшее от недоеданий и морозов войско, стоя на тачанке Семен Будённый, сам еле ворочая языком от усталости, сказал:

– Браточки! Я был с вами все это каторжное время. Так же, как и вы, мерз, голодал, недосыпал и ходил под вражьи пули. Самое бы время – в баньку, а потом на сутки в клуню на духовитое сено. Эх! – он даже вздохнул, представив себе эту простую мечту: всласть отоспаться. И с разочарованием в голосе продолжил: – Но не получается. Нету у нас с вами на эти радости никакого времени! – взмахнув рукой с нагайкой, Будённый указал куда-то вдаль: – Может, сто, может, триста верст осталось до самого конца войны. Не проспять бы нам эти счастливые минуты! Не то другие завершат это братоубийство. Они, а не мы, будут торжествовать и радоваться победе. А мы окажемся сбоку припеку на этом празднике. Вот в задачке и спрашивается: как нам быть? Может, поспим еще часок-другой или через силу, через «не могу» выступим на барона за ради великой революционной цели!

Торжественная музыка митинговых слов! Лишь одна она, облеченная неведомой магией, способна сотворить нечто, неподвластное обычным словам. Она могла послать в бой тысячные массы. Но тут и она дала осечку.

Смертельно уставшие, изголодавшиеся, до костей промерзшие, бойцы слабо зашевелились. Хоть и ясные, убедительные слова сказал командарм, а всё же в усталой голове каждого звучали не согласовывающиеся с логикой слова: спать! Ну, хоть пару часов! Хоть полчаса! И Буденный едва ли не впервые ощутил свое бессилие. Это был тот редкий случай, когда он мог, переступив через себя, воспользоваться своим правом приказать. Но не приказал.

Они долго молчали. И тут издали, из задних рядов отозвался старый донской казак Харитон Ярыга, весь в шрамах, много войн прошедший, не однажды в боях рубленный и стрелянный.

Буденный давно заметил этого старого казака, иногда приглашал его к себе для душевной беседы, а заодно попить чаю, а то и чего покрепче. От чая Харитон отказывался всегда одной и той же фразой: «Ну да! Стану я в животе сырость разводить!» Водку командарм принимал, но знал свою норму, и никогда не выпивал больше двух лафитников. И всегда, после того, как осушал лафитник⁷, переворачивал его донцем кверху, и пару капель, которые стекали на ладонь, старательно втирал в волосы головы.

Буденный несколько раз предлагал ему должность в соответствии с его почтенным возрастом: ездовым на тачанке, а то и охранником при штабе. Но Харитон ни на какие уговоры не поддавался.

– Ну да! Стану я в штабах восседать, а моя Маруся без меня с тоски помреть.

Маруся, старая бельмастая кобыла, была чем-то похожа на своего подслеповатого костлявого хозяина.

---

⁷ Лафитник – название, которое простой люд дал во второй половине XIX века округлым винным рюмкам в отличие от гранёных конусообразных водочных, делавшихся из толстого стекла, с тяжёлыми, устойчивыми ножками. Название дано по имени распространённого «барского» красного вина – лафита. Уже с конца XIX века и в начале XX века лафитником называли всякую рюмку (независимо от формы) из тонкого, дорогого по понятиям того времени стекла, а тем более рюмки, снабжённые украшениями. В XX веке лафитник – это уже всякая дорогая рюмка, в том числе и хрустальная.

Харитон взобрался на телегу, оглядел молчаливое буденовское войско и коротко спросил:

– Да чего там! Последний раз! Может, перетерпим?

Сказал бы то же самое молодой, не отозвались бы! А от слов старого, немощного Харитона всех прошибла совесть. Конники зашевелились, загомонили.

– Командуй, Михалыч!

– Чи не понимаем! Прикажуй!

– Спасибо, братки! Не сумлевался! А приказывать не могу. На то у вас есть свой командир.

Из-за спины Буденного выступил грузный хохол в мохнатой шапке и в полушубке с белой оторочкой. На полушубке на груди поблескивал орден Красного Знамени. Это был начдив шестой дивизии Апанасенко⁸.

– Давай, Иосиф! Командуй! – велел Буденный.

– Есть, командир! – вскинул ладонь к шапке Апанасенко и прямо с тачанки пересел на привязанного к облучку коня. Тронул поводья. Конь со всадником стал послушно и неторопливо пробираться сквозь митинговую толпу. И только выбравшись на свободное пространство, Апанасенко поднял пашку и зычным басом скомандовал:

– Дивизия! Поэскадронно!

И пока всадники торопливо разбирались в ряды, шумели, отыскивая каждый свой эскадрон, Апанасенко разговаривал с обступившими его ездоками:

– Ну, шо, хлопчики! Соберемся с силами! Туточки до Аскании и путя – всего ничего, верст семьдесят! Недалечко!

– Гы-гы-гы! – тяжелым смехом отозвались конники.

– Может, и доползем...

– Тю на вас! Ночувать на Сиваше будем! Покамест хоть издаля Крымом полюбуемси!

И когда все более-менее разобрались, Апанасенко вновь зычно скомандовал:

– Поэскадронно! За мной – марш, марш!

И дивизия вскоре скрылась за песчаным пригорком.

За двое суток Первая конная в отчаянном рывке заняла Асканию-Нову и двинулась к Чонгару и Перекопу.

* * *

Никаких снов Кольцов в эту ночь не видел, крепко спал.

Утром, едва за окнами заголубело, его пригласил к себе Менжинский. Он вернулся с Каховки глубокой ночью, ему доложили о возвращении оставшихся в Харькове сотрудииков, а также о том, что вместе с другими приехал в Берислав и Кольцов.

Когда Кольцов, ещё не до конца стряхнув с себя сонную одурь, вошел в ярко освещенный двумя керосиновыми лампами кабинет Менжинского, тот, склонившись над расстеленной на столе оперативной картой, толстым столярным карандашом условными знаками отмечал подвижки на фронте.

Кольцов мельком глянул на карту, но тут же отвел взгляд в сторону, понимая, что его любопытство может не понравиться Менжинскому.

– Смотрите, смотрите! – перехватив взгляд Кольцова, сказал Вячеслав Рудольфович. – Вполне оптимистическая картина!

---

⁸ Апанасенко Иосиф Родионович (3 апреля (15 апреля) 1890 года – 5 августа 1943 года) – советский военачальник, генерал армии.

Распрямившись, он пристально оглядел Кольцова и, вероятно, остался доволен. Его обычно мрачное лицо слегка прояснилось.

– Здравствуйте, Павел Андреевич! – и как бы мимоходом спросил: – Как себя чувствуете после дороги?

– Спасибо. Как всегда, вполне удовлетворительно. Только не выспался.

– Завидую. Сон – первейшее благо молодости. А мне на сон достаточно четырех часов. И все, больше не усну. Старость!

– Ладно вам! Какой вы старик? – больше из вежливости возразил Кольцов. Всех, кому перевалило за сорок, он тоже считал стариками.

– Одышка, кашель, всяческие недомогания, – словно не слыша Кольцова, пожаловался Вячеслав Рудольфович. – А нам сейчас никак нельзя болеть, нельзя расслабляться. Как говорят в театре, дело-то, и в самом деле, идет к вешалке.

Помощник неслышно внес в кабинет Менжинского поднос с чаем и сухариками, поставил его посередине рабочего стола. Менжинский кивком головы поблагодарил помощника и отпустил.

Не отходя от стола с картой, Менжинский сменил тональность и заговорил деловито и серьезно:

– Вы, конечно, понимаете, что мы очищаем от врангелевских войск Северную Таврию, и со дня на день на Крымском перешейке развернутся нешуточные бои. Сиваш – серьезная преграда, особенно сейчас, в холода да морозы. И нужно сделать все для того, чтобы не увязнуть у ворот Крыма. У Михаила Васильевича был замечательный план: пройти в Крым, в самые глубокие врангелевские тылы, по Арабатской стрелке.

Карандаш Менжинского плавно пролетел над узкой полоской суши, которая начиналась от Геническа и, огибая с северо-востока едва не половину Крыма, заканчивалась возле Ак-Маная, неподалеку от Феодосии.

Пригласив Кольцова, Менжинский прошел к своему рабочему столу.

– Прошу вас, – он взял стакан чая, с хрустом пожевал сухарик. И лишь после того, как Кольцов тоже угостился чаем, Менжинский продолжил: – Впервые, еще в семнадцатом столетии, таким образом российский генерал-фельдмаршал Ласси⁹ обманул крымского хана. Он неожиданно провел свои войска по Арабатской стрелке и оказался у хана в глубоких тылах. По сути, он в трое суток овладел Крымом. К сожалению, мы не можем повторить этот маневр сейчас. Подводит погода. Азовская военная флотилия, на которую рассчитывал Фрунзе¹⁰, не сможет поддержать наши войска. Азовское море по берегам уже затянулось льдом.

– Да, зима неожиданно ранняя, – согласился Кольцов. – Я ведь крымчак. В иные годы мы, мальчишки, в эту пору ещё купались в море.

– Прогнозы на ближайшее время неутешительные, – сказал Менжинский и грустно добавил: – Крым придется брать в лоб. Бои будут последние и поистине решительные. Сосредоточим все силы вдоль Крымского перешейка, от Перекопа и до Чонгара. Привлечем в союзники всех, кого только сможем. Помнится, вы вывели на меня двух махновцев.

– Да, помню. С Петром Колодубом я и прежде имел дела. Последний раз он явился парламентарём от Нестора Махно. Кажется, с предложением о переговорах.

– Всё верно. Предыстория следующая. Махно был ранен в ногу – тяжелое ранение, пуля раздробила ему ступню. И Колодуб от имени Махно просил о помощи: тот нуждался в серьезном хирургическом вмешательстве. Он находился на станции Изюм. Мы послали туда вра-

---

⁹ Пётр Петрович Ласси (30 октября 1678 года – 19 апреля 1751 года) – генерал-фельдмаршал российской армии (1736). Ирландец родом, с 1700 года на русской службе. В турецкой войне 1736–1737 гг. начальник отдельного корпуса.

¹⁰ Михаил Васильевич Фрунзе (21 января (2 февраля) 1885 года, город Пишпек (ныне Бишкек) Семиреченской области Туркестанского края – 31 октября 1925 года, Москва) – революционер, советский государственный и военный деятель, один из наиболее успешных военачальников Красной армии во время Гражданской войны, военный теоретик.

чебную бригаду с отличным хирургом. По моим сведениям, ступню Нестору Махно спасли, буквально собрали ее по косточкам. Там, в Изюме, Махно попросил организовать встречу с представителями Красной армии для переговоров. Встретились в Старобельске. Туда же, все еще испытывая сильные боли, приехал Махно. На удивление легко с ним обо всем договорились.

– Ну и что хотел Махно? – спросил Кольцов.

Едва только Менжинский начал подробно рассказывать о Махно, Кольцов стал догадываться о сути новой «командировки» с «изюминкой», как определил ее Кириллов. Похоже, только пахло не изюминкой, а солидной горстью изюма.

Как все странно происходит в жизни! Стоило ему однажды случайно попасть в плен к Махно и также случайно уцелеть, как он уже стал считаться «специалистом по Махно». Судя по всему, ему предстояла новая встреча с Нестором Ивановичем.

Кольцов не стал прикидываться, что не догадывается, к чему ведет свою речь Менжинский, и спросил прямо, без дипломатии:

– Я так понимаю, вы ведь не зря посвящаете меня во все эти тонкости?

– Да, конечно, – нисколько не смутившись, сказал Менжинский. – Да вы пейте чай, он совсем остыл.

Кольцов, отхлебывая чай, продолжил слушать. Но теперь он пытался проникнуть не столько в текст, сколько в подтекст каждой фразы. Еще до конца разговора он пытался вникнуть в суть его будущего задания.

– Что хотел Махно? – повторил вопрос Кольцова Менжинский. – Вы-то, вероятно, знаете, в не столь давние времена он просил автономию для Гуляйпольщины.

– Была у него такая мечта, – согласился Кольцов. – Потом ему этого показалось мало, и он стал мечтать о владении Екатеринославской губернией.

– Владимир Ильич рассказывал Фрунзе, что Махно просил у него Крым. Обещал превратить его в образец процветания и свободы, – улыбнулся Менжинский. – Говорил, что создаст там анархическую республику, привлекательную для всего человечества... Удивительная вещь, все пекутся о человечестве, а у себя во дворе не могут навести порядок.

– Так в чем суть переговоров в Старобельске? – спросил Кольцов.

– Заключили соглашение. Махно со своей Повстанческой армией переходит на сторону советской власти и участвует в освобождении Крыма.

– И что взамен?

– Просит освободить из тюрем его сподвижников-анархистов. Согласились.

– И, наверное, попросил Крым? – догадался Кольцов.

– Просил.

– Пообещали?

– Пообещали подумать.

– Соглашение – это слова. Намерения. А есть ли какие-нибудь реальные результаты? – поинтересовался Кольцов.

– Буквально на следующий день после переговоров штаб Повстанческой армии разослал своим отрядам вот это распоряжение.

Менжинский положил перед Кольцовым четвертушку бумаги, которую Кольцов бегло просмотрел:

«Распоряжение ШтаАрма отрядам Володина, Прочана, Савченко, Ищенко, Самко, Чалому, Яценко. С сего дня прекратить всякие вражеские действия против советской власти, а также против каких бы то ни было советских учреждений и их работников.

Все живые и здоровые силы вольного повстанчества должны влиться в ряды Красной армии, войдя в подчинение и под командование последней.

Совет Революционных Повстанцев твердо уверен, что вольное повстанчество не пойдет по двум разным дорогам, но сплоченно последует на зов испытанных революционных вождей батьки Махно и Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев).

*Председатель Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев)
батька Махно.*

Командарм С. Каретников».

– Ну и что скажете? – спросил Менжинский.

– Хорошая бумага, – возвращая Вячеславу Рудольфовичу махновское распоряжение, ответил Кольцов. – Я так понимаю намерение батьки: война кончается, к гадалке не ходи. И если махновцы примут участие в последних боях, Нестор Иванович надеется, что ему простятся все прежние прегрешения. А, глядишь, большевики что-то подкинут от щедрот своих.

– Они просили внести в соглашение вопрос о Крыме отдельной строкой.

– И что же?

– Не отказали, но и не пообещали. Но едва ли не сразу же, как знак доброй воли, выпустили из тюрем всех махновцев и их руководителей – идейных анархистов. В ответ на наши доброжелательные действия Махно телеграфно излагает нам условия, при которых его армия будет совместно с нами воевать против Врангеля. Почувствовал, что его армия нам сейчас не будет лишней.

И Менжинский положил перед Кольцовым ещё одну бумагу.

– Этот меморандум больше похож на шантаж, – угрюмо констатировал он.

Кольцов склонился над бумагой. В ней говорилось:

«Революционные повстанцы входят в соглашение с командованием Красной армии, советской властью для совместной борьбы против контрреволюционной своры, и ничуть не намерены отказываться от своих идей и мировоззрений к достижению намеченной цели, как то: проявление инициативы в строительстве народного хозяйства (вольных общин) с помощью вольных экономических союзов (советов), которые без вмешательства какой-либо политической партии должны разрешать назревшие вопросы среди крестьян и рабочих.

Мы ничуть не отказываемся вести борьбу против засилья бюрократизма и произвола комиссаро-державцев и всякого рода насилия, которое является бременем для трудового народа и язвой для хода и развития революции. Мы по-прежнему будем вести идейную борьбу против насилия государственной власти и нового порабощения трудового народа государством. Ибо для этой борьбы мы, революционные повстанцы, вышли из недр трудового народа, и обязанность наша защищать интересы трудящихся от всякого насилия и гнета, откуда бы оно не исходило».

– Вопиющая безграмотность! Но это ладно, как смогли, так и написали, – сказал Менжинский. – Но обратите внимание! Эту телеграмму подписал не только Махно, но и весь Военный совет Революционной повстанческой армии. Вот так!

Кольцов поднял глаза на Менжинского:

– Махно всегда был человеком амбициозным, – сказал он. – У него совсем недавно под ружьем было более четырех тысяч повстанцев. Сейчас несколько больше. Вероятно, он пытается сохранить свое лицо. С одной стороны, хочет получить от союза с нами какие-то дивиденды, с другой же стороны, боится растерять своих сторонников. В основном это крепкие мужики, зажиточные крестьяне. Махно боится, что кто-то из них может уйти домой, а кто-то переметнется к Врангелю.

– Возможно, вы правы, – согласился Менжинский. – Но зачем тогда ему, едва заключив с нами соглашение, делать не очень корректное и, я бы даже сказал, провокационное в наш адрес заявление? Что это? Самоуверенность?

И Менжинский положил перед Кольцовым еще одну бумагу, вырезку из махновской газеты «Путь к свободе».

– Просмотрите. Больше мучить вас чтением не буду. Сомневаюсь, что это было опубликовано без ведома Махно. А, возможно, он и является автором.

Текст заметки и в самом деле был не совсем дружественным по отношению к советской власти. И появилась она уже после заключения Старобельского соглашения.

– *«Вокруг нашего перемирия с Красной армией создались какие-то недоразумения, неточности»*, – прочитал Кольцов и поднял глаза на Менжинского. – Что, действительно возникло какое-то недопонимание? – спросил он.

– Нет, конечно. Возможно, они там, в своем лагере, все перессорились... Но читайте дальше.

Кольцов снова углубился в чтение:

– *«Говорят о том, что, мол, Махно раскаялся в своих прежних действиях, признав советскую власть. Какое содержание мы вкладываем в мирное соглашение?»*

Ясное дело, что никакого идейного контакта и сотрудничества с советской властью или ее признания не могло и не может быть. Мы всегда были и будем идейными непримиримыми врагами партии коммунистов-большевиков. Мы никогда не признавали никакую власть, и в данном случае не можем признать и советскую власть.

Так что напоминаем и лишний раз подчеркиваем, что не следует спутывать, злостно или по непониманию, военный контакт, являющийся следствием грозящей революционной опасности, с каким-то переходом, «слиянием и признанием советской власти», что не могло быть и не будет».

– Что, Павел Андреевич? Эти высказывания – тоже для сохранения своего лица? Заблуждаетесь. Махно как был, так и остается врагом советской власти. И, боюсь, он нас ещё подведет. Причем, в самый не подходящий для нас момент. Когда это будет ему выгодно.

Кольцов молчал. Он понимал правоту Менжинского. Во всяком случае, сейчас никто не мог бы сказать, как и когда закончится «медовый месяц» Нестора Махно с советской властью. А что он закончится битьем тарелок, в этом ни у Менжинского, ни у Кольцова сомнений не было.

– Я не зря показал вам эти документы. По крайней мере не будете пребывать в благостойной уверенности в нерушимости союза Нестора Махно с советской властью, – Менжинский поднялся со своего стула и, со стаканом уже остывшего чая в руке, вернулся к столу, на котором была расстелена оперативная карта.

Кольцов понял: сейчас Вячеслав Рудольфович наконец расскажет ему, зачем потратил так много времени на эту длинную прелюдию.

– Скажу откровенно, мы не верим Махно. Ни Фрунзе, ни я, никто из командармов, комкоров и комдивов, – медленно, как бы подчеркивая весомость каждого слова, сказал Менжинский. – Но сегодня нам лучше держать его в союзниках. Пройдите сюда!

Кольцов вернулся к столу с картой.

Менжинский продолжил, указывая на неё:

– Выполняя Старобельское соглашение, армия Махно после освобождения Мелитополя, где, кстати, устроила повальные грабежи, передислоцируется вот сюда, к Сивашу. Командование Южфронта выделило Крымской армии Махно сектор между Чонгаром и Перекопом. Штаб махновцев, по всей вероятности, будет вот здесь, во Владимировке. А теперь – о деле.

Менжинский отошел от стола и стал прохаживаться по кабинету. Затем, стоя посреди кабинета, наконец затронул суть дела, ради которого он и пригласил Кольцова к себе.

– Там, в этой самой Повстанческой армии Махно, нам нужен свой глаз. Мы, командование, должны знать все не только о действиях махновцев, но и их намерения, настроения. Если

судить по тому, что вы сейчас прочитали, там все не так однозначно. И поэтому мы должны сделать всё, чтобы обезопасить себя от всяких неожиданностей.

– Это понятно, – согласился Кольцов, заранее предполагая, что последует за этими словами.

– Вы, Павел Андреевич, у них там уже побывали, кого-то знаете, даже, кажется, знакомы с самим Нестором Махно?

– Радости мне это знакомство не доставило, – нахмурился Кольцов. Видимо, вспомнил берег речки Волчьей и то, как двое махновцев вели его на расстрел. Утро было красивое, радостное, и совсем не хотелось умирать.

– В связи с тяжелым ранением, он пока не может самостоятельно передвигаться, и поэтому вынужден оставаться в Гуляйполе. Исполнять обязанности Командарма Повстанческой армии он назначил Семена Каретникова.

– Знаю Каретникова. Грамотный командир, и человек довольно разумный, уравновешенный, – сказал Кольцов.

– Вот мы и подумали: вам среди махновцев будет куда легче ориентироваться, чем кому другому. Быстрее поймете, если будет что-то затеваться против нас.

Кольцов грустно улыбнулся:

– Нет, они быстрее меня убьют, чем я начну что-то понимать. – И тут же спросил: – И какой статус мне предлагается?

– С Махно и Каретниковым мы предварительно все обговорили. Вы отправляетесь туда как представитель командующего фронтом с весьма широкими полномочиями.

– Вот уж справедлива пословица «из огня да в полыню», – покачал головой Кольцов. – Я думал, ничего опаснее и труднее, чем операция «Засада» в моей жизни уже больше не будет.

– Сам Махно и его заместитель Задов¹¹ попросили направить к ним именно вас.

– Меня бы кто спросил: хочу ли я?

– Вот я и спрашиваю, – несколько ступешался Менжинский. – И Михаил Васильевич Фрунзе тоже высказался за то, чтобы обратиться к вам. Но если вы по каким-то причинам...

– Причин нет, – пожал плечами Кольцов и, немного помедлив, спросил: – Когда?

---

¹¹ Лев Николаевич Задов (Лёвка Задов, партийный псевдоним – Лев Зиньковский; 11 апреля 1893 года – 25 сентября 1938, Киев) – начальник контрразведки Революционной повстанческой армии Нестора Махно, позднее советский чекист.

Глава третья

Поезд главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта Врангеля стоял в Джанкое на запасных путях. Пейзаж за окном был безрадостный. Почти все станционные строения были разрушены или сожжены. Некоторые были второпях восстановлены, но выглядели инвалидами. Пробоины от снарядов залатали камышом и обмазали глиной, окна забились досками, оставив лишь небольшие щели, размером с уцелевшие или найденные среди развалин куски стекла. Делали все наспех, когда уже наступили заморозки: только бы пережить если не в тепле, то хотя бы в затишье холодную и ветреную зиму.

Под стать печальному пейзажу была и погода. К утру мороз отступил, небо заволокло тучами, и пошел унылый морозящий дождик.

Врангель проснулся рано от мокрых всхлипываний за окном вагона. Разминаясь, прошелся по коридору. Чутко спавший денщик, услышав вдали шаги командующего, скрылся в дальнем тамбуре и принялся разжигать керосинку.

Врангель недолго постоял возле купе старшего адъютанта. Будить? Он знал давнюю слабость Михаила Уварова: засыпать сразу, едва голова соприкасалась с подушкой. Если не будить, мог проспать сутки. У аккуратного, исполнительного и четкого адъютанта это был, пожалуй, единственный серьезный недостаток, который раздражал командующего и с которым он тем не менее давно смирился. Он твердо знал, что очень скоро на место сладких снов и молодости к адъютанту придет зрелость, а вместе с нею и тяжелая изнуряющая бессонница. Пусть еще поспит, пока на его плечи не свалились заботы, подобные тем, которые приходится тащить на себе командующему.

Врангель вернулся в кабинет. Торопливо накинув черкеску, подпоясался и мельком глянул на себя в зеркало. Но тут же отвернулся: не понравился сам себе. Под глазами мешки, и без того длинный нос заострился, лицо одутловатое и какое-то жеваное. Всему виной бессонница, которая мучает и изводит его вот уже который месяц.

Вот и вчера вечером к нему с коротким докладом явился генерал Фостиков¹². Врангеля угнетало вечернее одиночество, и он затеял со своим подчиненным разговор, затянувшийся едва ли не до трех часов утра. И после его ухода Врангель еще долго не мог уснуть, осмысливая полуночный разговор. На сон осталось всего ничего. В шесть часов он вставал, несмотря ни на что. Не нужен был никакой будильник.

Врангель давно знал Фостикова, ценил в нем умного и бесстрашного (получившего десять ранений) воина, и прощал ему некоторую экстравагантность в одежде и порой неуместные и злые суждения. Он относился к Фостикову, как прежде цари относились к своим юрдивым. Ему порой позволялось высказывать то, что иным стоило бы должности.

Фостиков стал увещевать Врангеля попытаться найти способ замирился с большевиками. Аргументы Фостикова были вполне убедительными: в Крыму отсидеться не удастся и дело даже не в холодах. Стужу можно перетерпеть. Но в Крыму собралось несметное число людей, и прокормить их им не по силам. Начнется голод, грабежи. Боеспособность армии опустится до нуля.

– Крым – крепость, Михаил Архипович! А зимы здесь, на юге, короткие. Авось с Божьей помощью...

– Слово красивое: крепость. А если вспомнить? Испокон веку редко какая крепость выдерживала осаду. И наша не устоит, – уверенно сказал Фостиков и, немного помолчав, доба-

---

¹² Михаил Архипович Фостиков (25 августа 1886 года, ст. Баталпашинская – 29 июля 1966 года, Белград) – русский военачальник, участник Гражданской войны, генерал-лейтенант. Организовал Повстанческую армию из нескольких тысяч казаков, бежавших от красного террора. Награжден бароном Врангелем орденом Св. Николая.

вил: – Люди от нас уходят. За последнюю неделю из моего черноморско-кубанского отряда ушли больше двухсот человек.

– Причины? – поинтересовался Врангель.

– Причины разные. Кто устал от войны, уж очень длинной она получилась. Кто зимы испугался, кто болен. Но больше всего тех, кто в нас разочаровался. Мои кубанцы так мне и говорят: «Ты, Михайла, поближе до Врангеля, шепни ему, пушай мужика не обижает. Мужик – кормилец. Если он обидится, власть не устоит». Похоже, обиделся мужик.

– Вопрос не простой, – виновато сказал Врангель. – Теперь понимаю, земельный вопрос надо было решительнее решать.

– Поздно, ваше превосходительство, – тяжело вздохнул Фостиков. – Потому, что нет у нас уже земли, нечего раздавать. И, видать, никогда не будет.

– Ты тоже не веришь? – Врангель вперился тяжёлым взглядом в Фостикова. Впрочем, он знал, что Фостикова ни суровым взглядом, ни бранью не испугаешь. Когда-то, в девятнадцатом году, он едва ли не в одиночку поднял на дыбы против Советов чуть ли не всю Кубань. И слова, которые он сейчас произносил, чувствовалось, выстраданные, тяжелые.

– Эх, Петр Николаевич! Уж сколько лет вместе с тобой. Верил. И сейчас хочу верить. Из всей силы хочу. А почему-то не очень получается... – И, вспомнив что-то важное, Фостиков добавил: – И что интересно: уходят не тайком, не ночью.

– Кто? – не сразу понял Врангель.

– Дезертиры... Как их еще называть? Сговорятся человек десять – пятнадцать односельчан, попрошаются с остальными, которые остаются – и уходят. Днем, без страха. И заметь, никто им в спину не стреляет, предателями не обзывают. Видать, многие о том же самом думают, только еще не решились. Кто большевиков боится, кто зимы, кого кровавые грехи к ним не пускают.

– Вредные слова говоришь, Мишка! Не достойные российского генерала. Если бы хорошо не знал тебя, приказал бы расстрелять.

– Правдивые слова говорю, выстраданные. Врать не умею, лстить тоже. И ты это знаешь, – спокойным голосом ответил Фостиков. – Есть и преданные нам люди. К сожалению, их все меньше. Они будут с нами до конца. Но мы с тобой, Петр Николаевич, должны предвидеть любой конец. И сделать все, чтобы он не был слишком печальным ни для них, ни для нас. Во время бессонницы я все чаще об этом размышляю.

Врангелю не нравилось все, что говорил Фостиков. Но и не выслушать его размышления он не мог. Фостиков – один из тех немногих, кому он всецело доверял, а разочарование, увы, поселилось не только в его душе. Врангель и сам стал все чаще подумывать о том, что приближается печальный конец. Все события последнего времени были против его армии. Замирение Польши с большевиками, отказ Симона Петлюры от сотрудничества с ним, признание французами и англичанами «де-факто» Советской России и в связи с этим уменьшение союзниками военных поставок. Наконец, последнее поражение на Каховском плацдарме и почти полное вытеснение его армии с Правобережья Днепра, а потом и из Северной Таврии.

После ухода Фостикова Врангель еще долго ворочался на своей жесткой постели, продолжая мысленно с ним спорить. Неправда, в Крыму можно до весны отсидеться, а с наступлением тепла, укрепив за зиму армию, снова выступить против большевиков. В разоренной России за время длительной зимы большевики порядком себя дискредитируют. Весна всегда приносит надежду на лучшее. Многие его сторонники вновь потянутся к нему. Верил он и в то, что союзники не оставят его в беде. И вовсе не из сочувствия. Они просто не смогут отказаться от тех финансовых долгов, гарантом которых он является. Большевики не вернут же им ни копейки.

Но как пережить эту блокадную зиму? На просьбы о помощи продовольствием ни Англия, ни Франция пока не ответили. А если откажут? В Крыму вместе с семьями, которые

приехали сюда с отступающей армией, скопилось около шестисот тысяч его сторонников. Они надеются только на него. Да коренное население! Все вместе это составляет примерно около миллиона. Прав Фостиков: без посторонней помощи такое количество людей ему не прокормить. Значит, уже к середине зимы начнется голод, а следом – грабежи, убийства. Как итог: его предадут даже самые верные соратники.

Не раз и не два ему приходили мысли о бегстве из Крыма. Большею частью они были спонтанные. Но сейчас, после разговора с Фостиковым, он стал все больше склоняться к этому.

Наивный Фостиков! Под каким предлогом он, Врангель, станет просить у большевиков перемирие? Ответ он знает заранее: безоговорочная капитуляция.

Избежать позора можно лишь в одном случае: покинуть месте с армией Крым. Во всяком случае, к этому надо быть готовым. Распоряжения о подготовке к эвакуации надо будет отдать в ближайшие дни. И не следует медлить. Лучше сделать это сегодня. Да-да, именно сегодня! Причем постараться, чтобы это распоряжение не стало достоянием гласности. Иначе решимость покинет даже тех, кто был готов сражаться до конца. Армия будет побеждена даже раньше, чем покинет крымские берега.

В тишине коридора гулко прозвучали уверенные шаги, прозвенели шпоры: это шел к нему на доклад начальник штаба Шатилов. Насколько помнил Врангель, он в последние годы служил всё больше в штабах и не имел никакого отношения к кавалерии. Был начальником штаба у Деникина, уволен из армии, в Константинополе переждал все армейские преобразования, и вновь, уже по приглашению Врангеля, вернулся начальником штаба. За годы их знакомства Врангель ни разу не видел Шатилова в седле. Но сколько он помнил, Шатилов не снимал с сапог шпоры, и они у него были самые звонкие, самые голосистые. По этому звону Врангель даже на улице издали узнавал: где-то рядом находится Шатилов.

Начальник штаба вошел без стука. У них с Врангелем был уговор: если занавески в кабинете командующего были раздвинуты, он бодрствует и можно входить без предупреждения.

– Доброе утро, Петр Николаевич! – бодро поздоровался Шатилов.

– А что, у вас есть сведения, что оно доброе? – с легкой иронией в голосе спросил командующий.

– Утро всегда приносит надежды. С позиций приехали генералы Кутепов и Абрамов¹³. Я даже не успел их ни о чем расспросить.

Внизу возле входа в салон-вагон он услышал голоса. Узнал характерный басок генерала Кутепова и хриплый сварливый баритон командующего Второй армией генерала Абрамова.

«Чтобы покинуть позиции в такую рань, надобны веские причины», – подумал Врангель.

– Что же они там топчутся? – спросил Врангель. – Были бы вести хорошие, они бы и среди ночи меня разбудили.

Шатилов открыл дверь в коридор, и в кабинет один за другим вошли Кутепов и Абрамов. По всему было видно, они тоже провели бессонную ночь. Одежда у обоих была измята, сапоги в грязи, и оба резко пахли древесным дымом.

Потянув носом воздух, Врангель спросил:

– Что это вы, на солдатскую махорку перешли?

– Кострами обогреваемся, ваше превосходительство. Ночь была клятая, морозная. В окопе огонь не разведешь, дымом задавит. В землянке и того хуже.

---

¹³ Александр Павлович Кутепов (16 сентября 1882 года, Череповец – не ранее 26 января 1930 года) – российский военный деятель, генерал от инфантерии (1920), активный участник Белого движения. В 1928–1930 гг. – председатель Русского общевоинского союза (РОВС). Фёдор Фёдорович Абрамов (4 января 1871 года – 10 марта 1963 года) – русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из руководителей Белого движения во время Гражданской войны в России. В феврале 1919 года, командуя группой войск, в сложнейших условиях отразил наступление Красной армии на Новочеркасск. С ноября 1919 года – инспектор кавалерии Донской армии. В апреле 1920 года сформировал из эвакуированных в Крым казачьих частей Донской корпус, командовал им во всех боях в Таврии летом – осенью 1920 года.

Врангель обрадовался появлению Кутепова. На его войска была возложена оборона всего Крымского перешейка – от Азовского моря и до Каркинитского залива на Черном. Больше суток Врангель не мог связаться с Кутеповым: то отсутствовала связь, то его не могли нигде отыскать. Что делается на позициях, Врангель знал по отрывочным докладам комдивов, с которыми удавалось связаться. Но целостная картина никак не складывалась, и Врангель надеялся, что ее сейчас прояснит Кутепов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.